

Вот клуб. - 1996. - 24 авг. - с. 8.

Клубные встречи

С детства он мечтал о море, а стал актером. Его снимал Тарковский — в "Андрее Рублеве" и в "Зеркале". А всего на счету Юрия Назарова около 140 фильмов. Пожалуй, далеко не все эти картины мы помним, но образ самого актера прочно поселился в нашем сознании.

Юрий НАЗАРОВ:

Россию пустили по ветру не комиссары, а их внуки

— Юрий Владимирович, если учесть ублюдочную ситуацию в нашем нынешнем кинематографе, то трудно предположить, что настроение у вас сегодня не из лучших.

— Я вам благодарен за слово "ублюдочная" — совершенно согласен, с потрохами. У нас кино сейчас нет, закономерно, да и быть не может, поскольку кино, как всякое искусство, — это все-таки идеология. А у нас прежнюю идеологию, в ней не разобравшись, оторвали и прокляли и, в общем, от ворон отстали, а к павам не пристали.

— Зато свобода...

— Вот давайте возьмем товарища Марка Захарова — мастер? Мастер бесспорный. Создал блестящее, восхитительное "Обыкновенное чудо" по Шварцу. От него жить хочется, от этого произведения. И что делает Марк Захаров на воле? Что он делает с Островским, поставив "На всякого мудреца..." где Чурикова вынуждена лазить в штаны к Глумову? Она даже сына своего не может привести на этот спектакль. Вот что это, для чего это? Еще Екатерина Романовна Дашкова, первый президент Российской Академии наук, говорила, что свобода без просвещения приведет только к анархии и беспорядку. Вот это мы сейчас и получаем.

Свобода — это хитрейшая брехня, с моей точки зрения. Вот сегодня свобода: магазины ломаются, а в карманах пусто. У нас без свободы почему-то в магазинах было пусто, но при этом полны холодильники у всех. Что лучше? Вот сегодня свобода: режут, убивают, стреляют. Вон в Чечне свобода... Хоронили мы нашего друга актера — в церкви отпевают три гроба разом, потому что там очередь стоит. Эта индустрия вавсю работает. И я вот все хочу спросить кого-нибудь, узнать: а что плохого в идеологии коммунистической?

— А вам разве самому так и не ясно?

— Все же переврано, и мы до сих пор в этом не разобрались. Я абсолютно убежден, что горе коммунизма не в идее, а в хамском исполнении.

— Да в общем известно, чем вымощена дорога в преисподнюю — благи́ми намерениями... Но коли уж вам импонирует та идеология, чего ж в партию не вступали, Юрий Владимирович?

— А Бог его знает... Вот снимался я в "Балладе о комиссаре". Играл комиссара, а князя — Шульгин Виктор Сергеевич. Меня допрашивал, пытал этот князь — пленного комиссара — и говорил: "Да вы

же проплетаете Россию!" А я ему гордо отвечал: "Не-а! Не проплетам!" Бодро и уверенно. И, как ни странно, оказались правы оба. Те комиссары — они не пропали. Но оказался прав и князь — пропали внуки комиссаров. Вот они пустили все по ветру.

— Романтик вы и идеалист, а вы сказали.

— Меня этим романтиком-идеалистом всю жизнь называют. Я с этим жутко не согласен, потому что из всех сил стараюсь быть реалистом. Не по мне западный индивидуализм и элитарность: кто умный — тот имеет право править и управлять, а кто неумный, менее развитый, должен вкалывать. Вот в этом отношении мне больше нравится коммунистическая идеология — у всех равные права. Править и управлять разумный имеет право, а вот жить за счет других — этого бы не надо.

— По мне, так пусть лучше действительно управляют умные, а если у кого две извилины, нехай и впрямь шпалы таскает.

— Но это не значит, что он вечно должен с этими двумя извилинами сидеть. А если у него третья появится? Вот моя судьба — мы все дети войны, безотцовщина, голоштаные, из Сибири далекой. Да, я слышал, что были на свете и Мольтер, и Шекспир, и даже Генри Филдинг. Но князю: когда я приехал в Москву и поступил в театральное училище и в первый день пришел на занятия и увидел, что в расписании значатся лекции, целый курс — "Зарубежная литература", — я жутко удивился (правда, никому этого не сказал) — какая у них там литература может быть?!

— Я знаю, что вы как-то бросали актерское ремесло и на скрепоре, что ли, работали.

— На земснаряде чего-то рыли, да. Было дело, было.

— А почему?

— Может быть, потому, что для меня все-таки искусство не самое главное, и во всяком случае меня больше жизнь волнует. А искусство не само по себе, а постольку, поскольку оно помогает жизни. Как Олдридж когда-то писал, что, мол, среди моих друзей есть и ан-

личане. Так и среди моих друзей есть и актеры. А так — какие-то академики, профессора, работники, моряки...

— Вас что-то отвращало от актерства?

— Просто что-то еще во мне булькало — не весь я укладывался в эту профессию, что-то из меня еще торчало, чего-то просилось. По-моему, это нормально, когда человек ищет себя, — ну, может, я дольше искал, чем другие.

— А во сколько лет вы пошли работать на земснаряд?

— В 29. Там была еще такая история. Где-то в 26 я спину сломал. На съемку везли, перевернули, гробанули — сперва лежал, потом корсет... И когда я после приступил к работе, первый год был какой-то ужасный: системы защиты хватало на два месяца, а затем я регулярно заболел, без разницы — поносом, простудой. Кончалась сопротивляемость. Вероятно, на восстановление очень много энергии нервной ушло. Короче, мне нужно было отойти от "кина".

— Со сломанной спиной на земснаряде — самое то.

— Вот оказалось — самое то. Единственно, когда у нас вал редуктора полетел, а он двести кило, и мы его ворочали, вот тогда у меня в спине что-то вякнуло. А в остальном помалкивала и прекрасно себя чувствовала. Физического хватало, но душевника ничем не отвлекалась. И я оттуда вернулся здоровый.

— Шарили там под простого?

— Ничего не шарил, ничего не скрывал. И до сей поры дружим. Работал в меру своего воображения, возможностей... Надо же было и проверить себя, выдержу, смогу ли? Всегда было какой-то ну не трибуной, но кафедрой, с которой я должен чего-то нести, какой-то опыт.

— Кстати, о кафедре: в фильме "Лошади в океане" вы играли мирного интеллигента, театрального режиссера, по недоразумению угодившего в тюрьму. И вашего героя сажают наставником в камеру к малолеткам. Роль кажется написанной для вас.

— Нет, она писалась не для меня.

— Но это же "ваш" фильм.

— Абсолютно. Причем я там переделал все. Чем человек интеллигентный может завлекать пацанов? Тем, что он знает, тем, что он любит, тем, от чего у него самого трепет в душе. И я заменил написанное в сценарии на свое любимое, выношенное. Единственно — режиссер не посмел заменить "Лошадей в океане" Слуцкого. Замечательное стихотворение, но оно не мое. И автор сценария, он же прототип, Кольцов Михаил Яковлевич, с которым все это случилось, который все это прошел, мне потом говорит: "И дурак — нужно было заменить и "Лошадей", если они не твои. Все, что ты делаешь, — это не мое, но то, что твое, ты делаешь замечательно, а мое делаешь плохо".

— Добрый какой сценарист.

— Не добрый, а разумный. Когда, понимаете, идет коллективное творчество, непременно происходит "наезд". Он писал немножко о другом, обиде его большие вела. А меня волновала не обида, а человеческое, гуманное. В тюрьме все живут по звериным, по животным законам — и вот попал туда человек, который это животное не принимает.

— Вы сыграли в огромном количестве фильмов. А какие роли наиболее дороги — может быть, те, что достались вам в "Зеркале" и "Андрее Рублеве"?

— Эти потому, что я работал с Тарковским. На него работать — это святое дело, но его столько много, что мое там — только исполнительство, и дай Бог было хоть дотянуться как-то... Но у меня кое-что и свое было. Например, "Сибирский дед" Калатозишвили — безумно дорогая для меня работа. Там у меня был такой поручик Тихомиров, каратель. В нем проблемы Григория Мелехова, Хлудова, Чарноты, Рощина — вот такого масштаба. Русский интеллигент, запутавшийся, типа Савинкова, деятельная натура — ну и надеялся... И когда кончилась картина, я бы эту роль еще и еще всласть играл. Больше того и не вспомню — обычно

ведь как: сделал — и с плеч долой.

— А что вы скажете по поводу "Маленькой Веры", где великолепно сыграли отца героини?

— Я не могу назвать эту картину любимой — она получилась жутко хитрая. Она мне нравится по глубине ковыряния в жизни, по глубине реализма, что ли, но не нравится по, как бы это сказать, линии осмысления. "Маленькая Вера" получилась как бы идеологически против...

— Идеологическая диверсия, что ли?

— Ну как — диверсия... Ложь получается — в недоговоренности, в недоосмысленности. Вся эта жуткая жизнь, пьянство — в общем, маленькие люди, задавленные заводскими трубами вроде как. А ведь это трубы, между прочим, "Азовстали" — эти трубы спасли в войну всю Европу. Если бы не наша индустриализация... А по фильму вроде получается так ненавязчиво, что она загнала этих бедных маленьких людей. А то, что она спасла мир, об этом ни слова не сказано.

— Это вполне бы могло лаянуть — пусть хоть спяну — ваш персонаж. Неужели эта пара фраз поставила бы все на место?

— Главное, в фильме нет другого полюса, а кроме темноты, должен быть и свет. Там все не без любви делается — любит папа Верку, и мама, но... Вот в "Рублеве" есть и ужас, и мрак, и жестокость, и свет просвещения. И мне стыдно за "Маленькую Веру". На одном выступлении какие-то кинолюбители развели сложности про монтаж, то-се, а потом встала женщина в безумном панбархате, беретке невообразимой и вдруг с рыданиями, из души: "Господи, да какой монтаж — жить-то как?!" И вот на этот вопрос "Маленькая Вера" не отвечает. Из-за этого мне перед такими зрительницами неловко. Жить-то как? Вот так не надо. А как? Не сказали мы. Хотя я знаю — как. И режиссер знает — как. По-человечески надо жить, не по-животному. Вот вы говорите: если у него две извилины, так пушай он шпалы грузит. И шпалы можно грузить, но при этом человеческому

веком быть. У меня поэтому с "Маленькой Верой" как ни с одним фильмом: когда хвалят — вроде есть за что, но когда ругают — мне тоже крыть нечем, я согласен. К правде еще и осмысление нужно, а его у нас в картине не было. А я за осмысление, за понимание, куда двигаться.

— Вот вы играли в Театре киноактера горьковского Луку. Я насчет "куда двигаться" — он ведь, помните, поминал поминал, а дороги не показал.

— В пьесе все живут каждый для себя, а Лука живет для людей. В этом безумном скотском мире он пытается жить по человеческим законам. Он всем пытается помочь — другое дело, что не получается. Какие-то коммунисты смотрели — говорят: "Твой Лука — чистейший коммунист".

— Христианин скорее.

— Я атеист и не верю во все сказки христианские, но этика-то христианская — изумительная. И коммунистическая этика вытекает из христианской. И Христос как истинный коммунист пошел на Голгофу ради спасения человечества. Но Христос был не первый коммунист.

— А кто же?

— До него еще Прометей спасал человечество, за что был прикован к скале.

— Тоже коммунист был?

— Тоже коммунист.

— А еврейский дед Маза — в смысле Ной, который животину на ковчеге вывозил, тоже коммунист?

— Нет, там какая-то элитарность была — отбирал, кого надо спасти. Прежде всего своих. Сим, Хам, Иафет — это Ноевы были дети?

— Ну да.

— Вот они потом и наводрили — избранные-то.

— А ведь что получается: Прометей похищает огонь, а из него делают напалм. Христос идет на Голгофу, а потом инквизиция с его именем на устах устраивает для невинных аутодафе. Провозглашается свобода, равенство, братство, а в результате горы трупов. Почему же это любая замечательная идея оборачивается людоедством?

— Не любая и не всегда. Идея должна войти в душу, а если она только на знамени, только кричит, а в душе ты остался скотиной, то как бы твоей идеей ни тряс — все равно твое скотство вылезет.

— И как тут не вспомнить о нашей демократии...

— Вот именно...

Фото Александра АБАЗЫ.